

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.07

СООТНОШЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ И УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ БАЗОВЫХ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОТРЕБНОСТЕЙ, СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ФРУСТРИРОВАННОСТИ МОЛОДЕЖИ¹

Р.М. Шамионов^a

^a Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83

Изучение соотношения удовлетворенности базовых потребностей, субъективного благополучия, социальной фрустрированности и приверженности к различным формам активности позволит понять внутреннюю регуляцию социального поведения молодежи. Установлено, что удовлетворенность базовых потребностей является основным фактором социальной активности: положительным в наиболее распространенных и просоциальных видах и негативным в случае протестных видов активности. Высокая субъектная позиция (автономность) более явно проявляется у реализующих досуговую и религиозную активность и наименее явно – у лиц, реализующих протестные виды активности.

Ключевые слова: молодежь; социальная активность; удовлетворенность базовых потребностей; удовлетворенность социальной жизнью; социальная фрустрированность.

Введение

Социальная активность понимается как частный случай инициативного воздействия социальных субъектов на окружающую социальную среду. Социальная активность личности и групп предполагает не только участие в общественной жизни, но, прежде всего, инициативно-творческое отношение к сферам своей социальной жизнедеятельности, а также самой себе как субъекту социального бытия. Поэтому целесообразно говорить о социальной активности личности и группы как той, которая имеет не просто отношение к социальному поведению (коммуникации, взаимодействию, оказанию помощи и пр.), но к социальному по происхождению и по целям поведению, инициативному и преобразующему социальную реальность, включая и саму личность или группу, в результате чего появляется новое

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 18-18-00298.

качество и того, и другого [1]. Это значит, что социальная активность полинаправлена. Особенно это выражено у молодежи как такой социальной группы, которая одновременно совмещает несколько форм бытия и находится в нескольких «мирах» – учения и экономической деятельности, активного волонтерства и творчества, общения в малой группе и включения во «взрослые» политические и другие формы активности. Однако, несмотря на полинаправленность, существуют определенные группы активности, которые могут быть предпочтительны для разных личностей [2]. Они организованы в единый симптомокомплекс и предполагают совместную изменчивость.

Множество исследований, проведенных в последнее десятилетие, свидетельствует о том, что приверженность к той или иной форме активности или определенной группе активности обусловлена различными социальными и психологическими явлениями. Наиболее актуальными являются исследования факторов конкретных видов социальной активности, например в киберпространстве [3–5], добровольческой активности [6, 7], гражданской [8] и политической [9] активности молодежи, а также комплексные исследования, в которых рассматриваются факторы различных форм активности [1, 2, 10–12]. В этих исследованиях анализируются личностные и психофизиологические факторы, а также ряд социально-психологических (аттитюды, социальный опыт родителей и др.).

Исследования влияния переживаний и удовлетворенности конкретных базовых потребностей на характер социальной активности весьма редки. В то же время многие исследователи отмечают их значительную роль в поведении и активности человека [13–15]. В теоретических исследованиях отмечается, что удовлетворенность / неудовлетворенность личности относится к вторичным побудительным механизмам социальной активности – это механизмы согласования / рассогласования системы взаимодействия личности и среды [1]. Поэтому их роль важна с точки зрения мотивации активности.

В соответствии с концепцией E. Deci и R. Ryan [15, 16] реализация основных потребностей (автономии и компетенции) имеет прямое, положительное влияние на внутреннюю мотивацию субъекта для активности. Причем считается, что потребность в автономии является самой важной для функционирования внутренней мотивации [17]. Очевидно, возможность контролировать собственные действия и поведение, способность быть их независимым инициатором, стремление к выбору и собственной инициативе, самоконтроль поведения будут способствовать поддержанию одних и отказу от других форм социальной активности. Более того, имеются также данные о том, что лица, испытывающие более высокую удовлетворенность базовых потребностей, демонстрируют более высокий уровень трудовых достижений [18], а в пожилом возрасте удовлетворенность потребности в компетенции является залогом социальной активности [19]. В целом исследователи отмечают важность удовлетворения базовых потребностей для поддержания продуктивного характера мотивации [17].

В современных исследованиях отмечается важная роль удовлетворенности базовых потребностей в просоциальных и связанных с риском для здоровья формах поведения [14]. Иначе говоря, приверженность к отдельным формам активности и их продуктивность связаны с удовлетворенностью базовых потребностей. Однако проведенные исследования не вносят ясности в то, какова степень их детерминации, какого рода эти связи и являются ли они систематическими.

Важное значение для регуляции поведения имеет также субъективное благополучие личности, включающее удовлетворенность жизнью и переживание счастья [20, 21]. Результаты исследования A. Steptoe, D. Fancourt (2019) хоть и получены на старшей возрастной группе, но весьма примечательны с точки зрения выявленного соотношения социальной активности вообще и конкретных ее форм (гражданской, культурной, волонтерской) с характеристиками субъективного благополучия. Авторы отмечают, что расширение социальной активности (наряду с другими факторами) способствует субъективному благополучию, но и субъективное благополучие, удовлетворенность жизнью способствуют поддержанию значимых социальных отношений [22]. Вместе с тем имеется и опыт установления обратной зависимости: от активности через удовлетворенность базовых потребностей к удовлетворенности жизнью [23]. Авторы обосновывают такую направленность анализа тем, что более активное участие предоставляет молодежи более широкий спектр мероприятий, связанных с опытом роста, повышенным уровнем опыта социализации и более широкими сетями социальной поддержки. Действительно, удовлетворение потребностей в значительной степени определяется социальным контекстом [24]. Однако это не значит, что всякая социальная активность создает такой контекст. Вполне очевидно, что одни формы активности более предпочтительны лицами с высоким уровнем субъективного благополучия и удовлетворенности базовых потребностей, другие формы способствуют в большей степени достижению этого. Таким образом, направления связей могут быть принципиально разными в зависимости от каждого конкретного случая.

Эмпирические исследования ряда авторов [20, 21, 24–26] свидетельствуют, что в зависимости от переживания удовлетворенности или неудовлетворенности потребностей возможны различные характеристики активности, например отказ от риска, предпочтение самой активности какому-либо материальному результату, просоциальность-асоциальность и т.п.

Таким образом, результаты исследований выясняют проблему соотношения удовлетворенности базовых потребностей, переживания счастья и удовлетворенности жизнью с приверженностью к различным (конкретным) формам социальной активности или общей выраженной сочетанной активности. По своей сути это проблема источников активности и ее адекватности жизненному сценарию личности.

Цель исследования – изучить соотношение характеристик удовлетворенности базовых потребностей, субъективного благополучия, социальной фruстрации и приверженности к социальной активности молодежи.

Предполагается значимость фактора удовлетворенности базовых потребностей, субъективного благополучия в приверженности отдельным видам социальной активности молодежи.

Материалы и методы исследования

Участники исследования были проинформированы, что предполагаемое участие добровольно, а их ответы анонимны. Анкеты были предъявлены в письменной форме и заполнялись самостоятельно. Каждый участник передал заполненную анкету исследователю. Все данные обработаны анонимно.

В исследовании приняли участие 305 человек, средний возраст $M = 21,2$, $SD = 2,95$ (35,4% мужчин). Основные характеристики выборки: 17,4% – семейных, 44,6% проживают в малых городах, 44,3% – в больших городах, 56% имеют среднее (школьное) образование, 14% – профессиональное образование, 29,5% – высшее образование.

Были использованы анкета, направленная на фиксацию социально-демографических характеристик, и разработанные шкалы, направленные на измерение приверженности к тому или иному виду социальной активности (размерность шкалы – 5 пунктов в соответствии со шкалой Лакерта): Альтруистическая деятельность (AA), Досуговая активность (LA); Социально-политическая активность (PA); Интернет-сетевая активность (IA); Гражданская активность (SV); Социально-экономическая активность (SE); Образовательно-развивающая активность (EA); Духовная активность (EA); Религиозная активность (RA); Протестная активность (PR); Радикально-протестная активность (RP); Субкультурная активность (SK). Шкалы разработаны на основе исследований представлений о социальной активности [2, 13, 27 и др.]. Все шкалы имеют приемлемый уровень надежности: α Cronbach = 0,68–0,74; χ^2 Friedman = 1306,3, $p < 0,001$.

Для оценки степени удовлетворенности потребностей в автономии, компетентности, связанных использована Шкала удовлетворенности базовых потребностей (The Basic Needs Satisfaction in General Scale) [28], адаптированная нами. Шкалы имеют достаточный уровень надежности: α Cronbach = 0,66–0,76; χ^2 Friedman = 87,01, $p < 0,001$.

Оценка субъективного благополучия включала два основных параметра – удовлетворенность жизнью и переживание счастья. Эмоциональный компонент субъективного благополучия диагностировался посредством Шкалы субъективного счастья (Hap) С. Любомирски и Х. Леппер в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осины [29] (вариант шкалы из четырех утверждений), которая имеет приемлемый уровень надежности: α Cronbach = 0,74; χ^2 Friedman = 172,3, $p < 0,001$. Использована Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера [30] в адаптации Д.А. Леонтьева, Е.Н. Осины (вариант шкалы из пяти утверждений) [29]. Шкала имеет хороший уровень надежности, $(LS)\alpha$ Cronbach = 0,83; χ^2 Friedman = 178,22, $p < 0,001$. Шкалы субъективного благополучия оцениваются по 7-балльной шкале в зависимости от согласия-несогласия с утверждением либо выраженности-невыраженности признака.

Применена также методика социальной фрустрированности Л.И. Вассермана в нашей модификации, включающая список из 15 пунктов для оценки уровня социальной фрустрированности. Каждый пункт оценивается от 0 до 4 баллов (полностью удовлетворен – полностью не удовлетворен). Общий индекс социальной удовлетворенности / социальной фрустрации выводится на основе вычисления среднего арифметического по всем пунктам [31].

Для обработки первичных данных применялась статистическая программа IBM SPSS Statistics + PS IMAGO PRO, включающая программу AMOS для проведения моделирования с помощью структурных уравнений.

Результаты исследования

Показатели описательной статистики, приведенные в табл. 1, свидетельствуют в целом об относительной однородности распределения параметров удовлетворенности базовых потребностей, удовлетворенности жизнью и переживания счастья. Показатели приверженности к различным формам активности имеют определенные расхождения: более однородны в отношении менее предпочтительных форм активности и более разбросаны в отношении предпочтительных.

Наиболее популярными типами социальной активности молодежи являются досуговая, интернет-сетевая, образовательно-развивающая, социально-экономическая и духовная активность. Наименее выражены приверженность к политической, религиозной, протестной, радикальной и субкультурной активности. Из этих результатов также следует невысокий уровень приверженности к альтруистической и гражданской активности. Тем не менее видно, что показатели приверженности к гражданской и политической активности достаточно близки, но стандартное отклонение показателя гражданской активности несколько выше. Это значит, что эти формы социальной активности близки в своем проявлении, но среди респондентов имеются лица, сильно различающиеся в своей приверженности к гражданской активности.

Как видно из табл. 1, между показателями счастья, удовлетворенности жизнью и удовлетворенностью базовых потребностей (в автономии, компетенции и связанных с другими) выявлены тесные положительные связи, а с социальной фрустрированностью – отрицательные, что говорит о высокой их сопряженности. Эти данные свидетельствуют в пользу того, что удовлетворенность базовых потребностей способствует переживанию счастья, удовлетворенности жизнью и препятствует социальной фрустрированности.

Наиболее тесно приверженность к различным видам активности связана с удовлетворенностью потребности в компетентности, разрозненные связи выявлены также с показателями субъективного благополучия – удовлетворенностью жизнью и переживанием счастья. Менее всего связей обнаружено с удовлетворенностью потребности в связанных с другими.

Очевидно, фрустрация данной потребности является одним из основных побудителей социальной активности.

Таблица 1

Описательная статистика и корреляции между приверженностью к типу социальной активности, удовлетворенности базовых потребностей, счастья и удовлетворенности жизнью

Параметры	M	SD	SocFr	LS	HAP	AUT	KOM	RED
SocFr	1,47	0,63	1,00	-0,49**	-0,29**	-0,26**	-0,38**	-0,33**
LS	4,36	1,22	-0,49**	1,00	0,59**	0,24**	0,39**	0,35**
HAP	4,71	1,13	-0,29**	0,59**	1,00	0,36**	0,44**	0,39**
AUT	4,87	0,89	-0,26**	0,24**	0,36**	1,00	0,61**	0,58**
KOM	4,43	0,83	-0,38**	0,39**	0,44**	0,61**	1,00	0,49**
RED	4,73	0,78	-0,33**	0,35**	0,39**	0,58**	0,49**	1,00
AA	2,40	1,18	-0,04	0,18**	0,03	0,06	0,08	0,11
LA	3,94	1,04	-0,14*	0,09	0,13*	0,28**	0,22**	0,26**
PA	1,73	0,94	-0,06	0,07	-0,05	-0,05	0,05	-0,08
IA	2,95	1,32	0,11*	-0,08	-0,12*	0,04	-0,06	0,09
SV	1,84	1,08	-0,17**	0,18**	0,07	0,00	0,13*	0,05
SE	2,69	1,37	-0,17**	0,16**	0,10	0,05	0,22**	0,11
EA	2,68	1,27	-0,19***	0,24**	0,17**	0,07	0,27**	0,11
EX	2,54	1,28	-0,08	0,05	0,05	0,11	0,15**	0,05
RA	1,55	0,95	-0,01	0,21**	0,13*	0,02	0,12*	0,05
PR	1,46	0,88	0,18**	-0,05	-0,10	-0,15**	-0,11	-0,10
RP	1,32	0,76	0,14*	-0,02	-0,12*	-0,20**	-0,22**	-0,03
SK	1,43	0,95	-0,03	-0,06	-0,11*	-0,10	-0,16**	0,03
GSA	2,21	0,55	0,09	0,17**	0,04	0,04	0,15*	0,12*

Примечание. LS – удовлетворенность жизнью, HAP – счастье, AUT – удовлетворенность потребности в автономии, KOM – в компетентности, RED – в связанных с другими, AA – альтруистическая деятельность, LA – досуговая активность, PA – социально-политическая активность, IA – интернет-сетевая активность, SV – гражданская активность, SE – социально-экономическая активность, EA – образовательно-развивающая активность, EX – духовная активность, RA – религиозная активность, PR – протестная активность, RP – радикально-протестная активность, SK – субкультурная активность, GSA – общая разнонаправленная активность. ** p < 0,01; * p < 0,05.

Обратимся к данным о взаимосвязи приверженности к социальной активности с характеристиками социальной фрустрации. Как видно из полученных данных, социальная фрустрация связана положительно лишь с протестной, радикально-протестной и лишь в одном случае – с субкультурной активностью. В остальных случаях активность не сопряжена с социальной фрустрированностью, напротив, она связана с удовлетворенностью различными составляющими социальной жизни. Так, больше всего отрицательных связей с характеристиками социальной фрустрации выявлено в случае приверженности к гражданской (SV), социально-экономической (SE) и образовательно-развивающей (EA), досуговой активности (LA). Приверженность к религиозной активности связана с характеристиками социальной фрустрированности двояко: имеются положительные и отрицательные связи.

Таблица 2

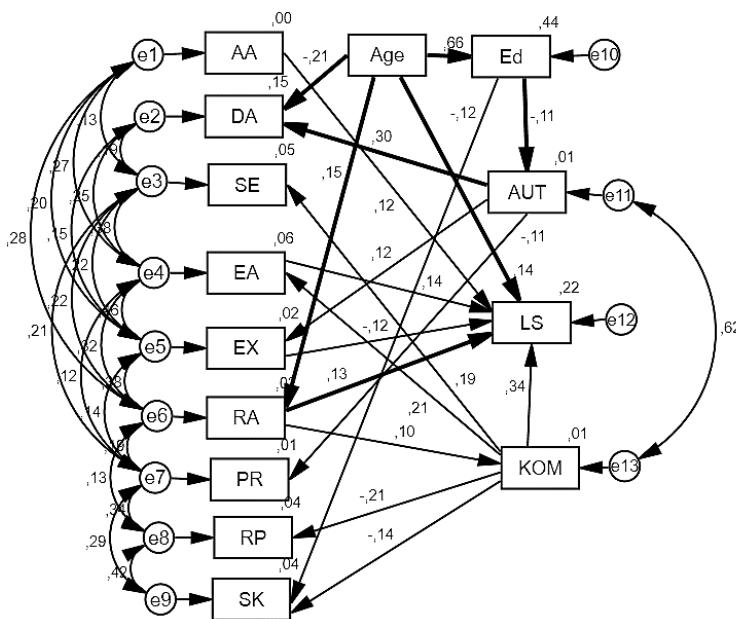
**Корреляции между приверженностью к типу социальной активности
и характеристиками социальной фрустрации**

Хар. соц. фр.	AA	DA	PA	IA	SV	SE	EA	EX	RA	PR	RP	SK
ES	0,05	-0,13*	-0,03	0,07	-0,11	-0,11	-0,10	-0,04	-0,02	0,20**	0,11	-0,04
RS	-0,02	-0,12*	-0,01	0,02	-0,10	-0,14*	-0,12*	-0,08	-0,02	0,05	0,00	-0,03
WS	-0,03	-0,05	-0,09	0,05	-0,14*	-0,12*	-0,14*	-0,09	-0,07	0,04	0,02	-0,03
PS	-0,03	-0,10	-0,09	0,07	-0,19**	-0,22**	-0,24**	-0,14*	-0,06	0,05	0,08	0,05
StS	0,00	-0,09	-0,09	0,09	-0,16**	-0,13*	-0,11	-0,04	-0,01	0,07	0,09	-0,01
IS	-0,03	-0,04	-0,03	0,11	-0,13*	-0,09	-0,15**	-0,03	-0,10	0,06	0,07	-0,10
HS	-0,03	-0,11*	0,06	0,02	-0,04	-0,05	-0,05	-0,03	0,08	0,22**	0,16**	-0,03
FS	0,08	-0,06	0,00	0,09	-0,05	-0,06	-0,08	-0,05	0,04	0,17**	0,13*	-0,02
KS	-0,04	0,04	-0,05	0,18**	-0,17**	-0,08	-0,13*	-0,03	-0,13*	0,18**	0,02	0,08
FrS	-0,05	-0,11	0,07	0,01	-0,03	-0,01	-0,01	0,00	0,13*	0,26**	0,17**	-0,04
SrS	-0,07	-0,02	-0,05	0,15**	-0,14*	-0,13*	-0,13*	-0,04	0,00	0,14*	0,08	-0,01
MS	-0,07	0,08	-0,12*	0,02	-0,14*	-0,12*	-0,16**	-0,06	-0,13*	-0,02	-0,02	-0,07
LS	-0,02	-0,26**	-0,11	0,04	-0,11	-0,14*	-0,14*	-0,05	0,15**	0,02	0,03	-0,11
ScS	-0,07	-0,12*	0,00	0,09	-0,03	-0,02	-0,04	0,01	0,02	0,10	0,17**	0,12*
LsS	-0,08	-0,15*	0,03	0,03	-0,03	-0,10	-0,11	-0,10	0,05	0,09	0,10	-0,04

Примечание. Удовлетворенность своим образованием – ES, взаимоотношениями с коллегами по работе (однокурсниками) – RS, содержанием своей работы (учебы) – WS, жизненными перспективами – PS, своим положением в обществе – StS, материальным положением – IS, жилищно-бытовыми условиями – HS, отношениями в семье – FS, обстановкой в обществе и государстве – KS, отношениями с друзьями и близкайшими знакомыми – FrS, сферой услуг и бытового обслуживания – SrS, сферой медицинского обслуживания – MS, проведением досуга – LS, уровнем безопасности в месте проживания – ScS, своим образом жизни в целом – LsS. ** p < 0,01; * p < 0,05.

На следующем этапе исследования мы предприняли структурное моделирование (рис. 1). Как видно из показателей согласия, приведенных под рисунком, они дали приемлемый результат. В качестве экзогенной переменной в модель была введена переменная возраста. Кроме того, нами использована также переменная образования.

Далее предпринят анализ путей. Из данной модели видно, что ряд форм социальной активности связан с удовлетворенностью потребности в автономии и компетентности, а также с удовлетворенностью жизни. Однако эти связи преимущественно разнородные: от удовлетворенности потребностей связи направлены в сторону активности и от форм активности – в сторону удовлетворенности жизни. Это значит, что статус этих явлений применительно к социальной активности отличается. Из представленной модели видно, что максимальный вклад оказывается удовлетворенностью потребности в автономии совместно с возрастом в вариации досуговой активности (15%), а 4–5% вариаций социально-экономической, образовательно-развивающей (положительно) и радикально-протестной, субкультурной (отрицательно) активности обусловлено удовлетворенностью потребности в компетентности. В остальных случаях этот вклад представлен значительно скромнее.

CMIN=54,703; df=50; p=.301;
CFI=.995; AGFI=.948; GFI=.975; RMSEA=.018; PCLOSE=.991

Рис. 1. Структурная модель взаимосвязей между типом социальной активности, удовлетворенностью жизнью и базовых потребностей:

Age – возраст, Ed – образование, LS – удовлетворенность жизнью, НАР – счастье, AUT – удовлетворенность потребности в автономии, КОМ – в компетентности, АА – альтруистическая деятельность, LA – досуговая активность, РА – социально-политическая активность, SE – социально-экономическая активность, EA – образовательно-развивающая активность, EX – духовная активность, RA – религиозная активность, PR – протестная активность, RP – радикально-протестная активность, SK – субкультурная активность

В то же время ряд форм социальной активности вносит вклад в вариации удовлетворенности жизнью (совокупный вклад совместно с возрастом составляет 22%). Из этих данных следует различие функций удовлетворенности базовых потребностей и удовлетворенности жизнью. Прямые и косвенные эффекты возраста и удовлетворенности в компетентности будут рассмотрены в следующем разделе.

Обсуждение результатов исследования

Согласованность показателей удовлетворенности базовых потребностей в автономии, компетенции, связанных с другими с удовлетворенностью жизнью и переживанием счастья (положительно), а также социальной фрустрированностью (отрицательно) свидетельствует о том, что они характеризуют комфортное бытие в соответствии с потребностями и эмоци-

нально-оценочным отношением к жизни в целом при отсутствии социальной фрустрации. Эти данные согласуются с результатами ряда исследований, проведенных в разных странах, в которых установлены связи между удовлетворенностью потребности в компетентности и автономии с показателями субъективного благополучия [17, 23].

Выдвинутое предположение о сопряженности показателей удовлетворенности базовых потребностей и субъективного благополучия с приверженностью к различным формам социальной активности в основном подтвердилось. Важно отметить, что выявлены разнонаправленные связи с разными формами активности. Наиболее тесно связана с показателями субъективного благополучия приверженность к досуговой активности. Это значит, что данный тип активности способствует как удовлетворению базовых потребностей, так и достижению счастья. Очевидно, данный вид социальной активности имеет наиболее важное значение для молодежи и выступает не просто способом общения, самореализации и достижения удовольствий, но и сферой социализации личности, сферой нормативной активности в данный возрастной период жизни. Исследования последнего времени указывают, что в досуговой деятельности молодые люди находят реализацию важнейших бытийных потребностей [32, 33]. Подобная картина обнаруживается и в области образовательно-развивающей активности. Приверженность к этой деятельности связана с удовлетворенностью потребности в компетенции, удовлетворенности жизнью и счастьем. Очевидно, приверженность к образовательной активности также соответствует социальной «возрастной норме». Ее действие заключается в том, что если ожидания других (контактирующих взрослых, родителей, работодателей и даже сверстников), от которых молодые люди еще зависят, соглашаются с реализуемой активностью (образовательной), удовлетворяются базовые и социальные потребности, меньше оказывается фрустрирующих факторов, оказывается также и социальная поддержка. Ранее проведенные исследования свидетельствуют о том, что образовательная активность молодежи, являясь одной из наиболее предпочтительных, связана с социальными ожиданиями и стремлением молодых людей к духовному развитию [36].

Своеобразной противоположностью данному виду активности служит радикально-протестная активность, с которой негативно связаны счастье и удовлетворенность потребности в автономии и компетентности. Это значит, что такой тип активности сопряжен с негативными эмоциями, а также нереализованностью потребности в автономии и компетентности. Возможно, участники радикально-протестных акций испытывают недостаточную личностную зрелость. Очевидно, так же обстоит дело и с субкультурной активностью, приверженность к которой негативно связана со счастьем и потребностью в компетентности. Такая картина может быть связана, с одной стороны, с трендом в обществе на стигматизацию участников протестных акций и представителей субкультур, а с другой – с побудительной силой фрустрированных потребностей к данной форме активности. И то и другое отмечается в исследованиях ряда социальных психологов и социологов [34–37].

Из результатов исследования следует, что наиболее сильно связаны с различными характеристиками активности удовлетворенность потребности в компетенции (что указывает на сильную когнитивную детерминанту активности) и удовлетворенность жизнью и счастье. Слабее всего связи с удовлетворенностью потребности в автономии и связанными с другими.

Далее обсудим результаты корреляционного анализа, выполненного для установления взаимосвязей между формами активности и характеристиками социальной фрустрации. Из полученных данных видно, что протестная активность связана с неудовлетворенностью своим образованием, жилищно-бытовыми условиями, отношениями в семье, обстановкой в государстве, отношениями с друзьями, сферой услуг и бытового обслуживания. Радикально-протестная активность связана с неудовлетворенностью жилищно-бытовыми условиями, отношениями в семье, отношениями с друзьями и уровнем безопасности в месте проживания. Иначе говоря, протестные и радикально-протестные виды активности обусловлены двумя видами факторов – социальными (обстановка в государстве, безопасность) и личными (фрустрированность в области семейной жизни, отношений с друзьями). Очевидно, что среди этих факторов есть те, которые служат причиной активности, и те, которые сопровождают эту активность. Например, можно предположить, что фрустрированность потребности в безопасности является следствием потери ощущения безопасности ввиду участия в протестных акциях (не всегда в легитимных). Совершенно не случайно в связи с этим то, что в исследованиях социологов выявляется более весомое число несчастливых лиц среди склонных к практическим действиям по протесту [38. С. 98].

Интересным представляется и то, что интернет-сетевая активность положительно связана с неудовлетворенностью обстановкой в обществе и сферой услуг. Такая картина не кажется удивительной, поскольку интернет-сетевая активность предоставляет полную свободу информации и, с одной стороны, может служить средством ухода от фрустрации, а с другой – создавать ее, поскольку Интернет изобилует критической информацией об обществе и сфере услуг.

В остальных случаях активность связана с фрустрацией негативной связью. Гражданская, социально-экономическая, образовательно-развивающая активность – три формы активности, весьма похожих с точки зрения связанными с удовлетворенностью содержанием своей работы, жизненными перспективами, сферой услуг и медицинского обслуживания, проведением досуга. Кроме того, приверженность к гражданской и образовательной активности связана с удовлетворенностью материальным положением и обстановкой в обществе и государстве, социально-экономическая и образовательно-развивающая активность – с удовлетворенностью взаимоотношениями с коллегами по работе или учебе, гражданская и социально-экономическая активность – с удовлетворенностью своим положением в обществе. Эти данные свидетельствуют в пользу сопряженности гражданской, социально-экономической и образовательно-развивающей активности с удовлетворенностью.

ренностью основных социальных потребностей. Можно также предположить, что лица, приверженные этим формам активности, нацелены на определенные ценности – работу, жизненные перспективы, хорошее медицинское обслуживание, наличие различных услуг, они стремятся занять определенное положение в обществе и т.д. Скорее, этим они отличаются от тех, кто привержен к протесту, радикальной активности или субкультурной активности.

Несколько отличны связи социальной фрустрации и досуговой активности. Приверженность к последней сопряжена с удовлетворенностью образованием и взаимоотношениями с коллегами по работе или учебе, жилищно-бытовыми условиями, проведением досуга, уровнем безопасности и своим образом жизни в целом. Очевидно, приверженные к досуговой активности не испытывают особых социальных проблем. Этого нельзя сказать о тех, кто привержен к религиозной активности. Такая форма активности сопряжена с удовлетворенностью обстановкой в обществе и государстве, сферой медицинского обслуживания и неудовлетворенностью отношениями с друзьями и близайшими знакомыми и проведением досуга. Эти связи можно объяснить, исходя из особенностей современного российского общества: с одной стороны, религия поддерживается государством и крупным бизнесом, граждане толерантны к верующим, и поэтому религиозные лица не испытывают никаких проблем в этой области; с другой стороны, молодежь в основном нерелигиозна и ближайшее окружение (сверстники) не всегда разделяет подобные взгляды и тем более активность.

Наконец, в результате структурного моделирования удалось установить ряд важных направленных связей в изучаемом контексте, которые уточняют функцию удовлетворенности потребностей и удовлетворенности жизнью в отношении к социальной активности. Из приведенной модели следует, что возраст как независимая переменная оказывает позитивное влияние на удовлетворенность жизнью и приверженность к религиозной активности и негативное – на приверженность к досуговой активности. Эту причинно-следственную связь можно объяснить тем, что с возрастом люди все меньше тратят время на развлечения и больше задумываются о различных ценностях. Кроме того, шансов на то, чтобы быть удовлетворенным жизнью, становится больше. В исследованиях субъективного благополучия отмечается, что удовлетворенность жизнью увеличивается с возрастом [39, 40]. Поэтому выявлена и связь с общим уровнем удовлетворенности жизнью. При этом религиозная активность становится медиатором влияния возраста на удовлетворенность жизнью, ослабляя прямую причинную связь. Заметим, что речь идет о молодежной выборке, в которой религиозная активность выражена незначительно.

В данной модели примечательны еще два блока. В одном блоке образование и удовлетворенность потребности в автономии опосредуют связь между возрастом и досуговой активностью. Во втором – потребность в компетенции является медиатором прямой причинной связи религиозной

активности и удовлетворенности жизнью. Ключевым звеном в этих случаях являются базовые потребности, только в одном случае речь идет о влиянии на активность, а в другом – на удовлетворенность.

На удовлетворенность жизнью положительно влияет приверженность к альтруистической, образовательной и религиозной активности. В то же время духовная активность усиливает неудовлетворенность жизнью. Иначе говоря, как активность (религиозная, образовательная и альтруистическая), так и возраст обуславливают удовлетворенность жизнью. Ведущая роль религиозной, образовательной и альтруистической активности молодежи в удовлетворенности жизнью примечательна тем, что эти формы активности не только обеспечивают чувство принадлежности, но и предполагают реализацию актуальных в этом возрасте потребностей. Духовные поиски в молодости, очевидно, связаны с какими-то диссонансными отношениями и, как следствие, способствуют неудовлетворенности жизнью.

Вместе с тем удовлетворенность базовых потребностей (в автономии и компетентности) обуславливает приверженность к семи формам социальной активности. Удовлетворенность потребности в автономии влияет на приверженность к досуговой, духовной (положительно) и протестной (отрицательно) активности, а в компетентности – на социально-экономическую и образовательно-развивающую активность позитивно и радикально-протестную и субкультурную активность негативно. Иначе говоря, удовлетворенность потребности контролировать собственные действия и поведение, быть инициатором своего поведения влияет на склонность к досуговой и духовной активности, а неудовлетворенность – к протестной активности. Из этих данных также следует, что удовлетворенность потребности в компетентности, желания достичь результатов в своей жизни, быть эффективным способствует самореализации молодых людей в социально-экономической и образовательно-развивающей активности, а неудовлетворенность мотивирует их к радикально-протестной и субкультурной активности.

Религиозная активность молодежи находится в особом положении. Она способствует удовлетворенности потребности в компетентности. Видимо, реализуя религиозные действия, молодые люди обнаруживают реальные результаты, свидетельствующие об их успешности (по крайней мере в ограниченной области религии). Из этих данных следует, что в основе протестной и радикально-протестной активности находятся неудовлетворенность базовых потребностей российской молодежи – потребности в автономии и компетентности.

Выводы

Проведенное исследование позволило ответить на ряд вопросов о соотношении социальной активности и удовлетворенности базовых потребностей и субъективного благополучия молодежи. Исходя из его результатов, можно сделать несколько выводов.

1. Удовлетворенность базовых потребностей, удовлетворенность жизнью, переживание счастья связаны с приверженностью к различным формам социальной активности. Наиболее высокий уровень детерминации (по числу корреляций и тесноте связей) выявлен в отношении досуговой, образовательно-развивающей, религиозной (положительно) и радикально-протестной (отрицательно) активности. При этом удовлетворенность потребности в компетентности является важнейшей в мотивации разных форм активности.

2. Переживание самоэффективности, способность решать различные бытийные задачи являются основным фактором ряда видов социальной активности: положительным в наиболее распространенных и просоциальных видах и негативным в случае протестных видов активности. Высокая субъектная позиция (автономность) более явно проявляется у реализующих досуговую и религиозную активность и наименее явно – у лиц, реализующих протестные виды активности.

3. Гражданская, социально-экономическая и образовательно-развивающая активности сопряжены с социальной удовлетворенностью в различных сферах (содержанием своей работы, жизненными перспективами, сферой услуг и медицинского обслуживания, проведением досуга и др.), а социальная фрустрация связана положительно с протестной, радикально-протестной и лишь в одном случае (неудовлетворенность безопасностью) – с субкультурной активностью.

4. В результате структурного моделирования установлено, что удовлетворенность базовых потребностей объясняет от 2 до 15% вариаций приверженности к различным формам социальной активности, а удовлетворенность жизнью – около 22% вариаций социальной активности. Однако влияющие и подверженные влиянию переменные активности различаются: влияют альтруистическая и религиозная активности, в то время как образовательная и духовная активности имеют двойственный статус – они влияют на удовлетворенность жизнью и подвержены влиянию базовых потребностей.

Ограничения данного исследования заключаются в том, что вклад переменных удовлетворенности базовых потребностей в разные формы социальной активности различен и варьирует от 2 до 15%. Очевидно, что более весомый вклад связан с комплексом различных переменных. Можно предположить, что совместный вклад удовлетворенности базовых потребностей с переменными, связанными с социализацией индивида (источники информации о социальной жизни общества, опыт участия родителей в общественной жизни, социальные установки о возможностях участия в общественной жизни), будет более весом, поскольку они добавляют порядка 10–15% вариаций [35], а волевые качества личности – до 20–21% вариаций различных форм активности [36]. Данные результаты также ограничены и национальными и культурными особенностями. Это актуализирует необходимость кросскультурных исследований соотношения социальной активности и удовлетворенности базовых потребностей и социальной фрустрации молодежи.

Литература

1. Шамионов Р.М. Социальная активность личности и группы: определение, структура и механизмы // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Психология и педагогика. 2018. Т. 15, № 4. С. 379–394. DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.
2. Shamionov R.M., Grigoryev A.V. The Image of Socially Active Individual in the Representations of Student Youth // International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education. 2019. Vol. 7 (1). P. 15–20. DOI: 10.5937/ijcrsee1901015S.
3. Savrasova-V'un T. Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth // Communication today. 2017. Vol. 8 (1). P. 104–112.
4. Seigfried-Spellar K.C., Lankford C.M. Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak // Personality and individual differences. 2018. Vol. 124. P. 54–56. DOI: 10.1016/j.paid.2017.11.047.
5. Sherman L.E., Greenfield P.M., Hernandez L.M., Dapretto M. Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood // Child development. 2018. Vol. 89 (1). P. 37–47. DOI: 10.1111/cdev.12838.
6. Свищева Е.Е. Волонтерская деятельность в социальной работе с пожилыми людьми как одна из форм проявления социальной активности молодежи // Известия Шадринского государственного педагогического университета. 2017. № 2 (34). С. 60–65.
7. Перминова М.С. Специфика формирования социальной активности молодежи в условиях волонтерской деятельности // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. 2016. Т. 16, № 1. С. 22–25.
8. Grant P.R., Bennett M., Abrams D. Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum // British Journal of Social Psychology. 2017. Vol. 56 (3). P. 455–474. DOI: 10.1111/bjso.12186.
9. Russo S., Amna E. When political talk translates into political action: the role of personality traits // Personality and individual differences. 2016. Vol. 100. P. 126–130. DOI: 10.1016/j.paid.2015.12.009.
10. Grigoryeva M.V. Students' readiness for changes as a predictor of social activity // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences. 2019. Vol. LVI (6). P. 43–48. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/iccsbs2018F06.pdf>
11. Бочарова Е.Е. Регулятивные и мировоззренческие факторы различных форм социальной активности молодежи // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 4 (28). С. 333–345. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345.
12. Арендачук И.В. Ценностно-смысловые факторы социальной активности молодежи в разных условиях жизнедеятельности // Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2018. Т. 7, вып. 4 (28). С. 346–358. DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358.
13. Ferguson R., Gutberg J., Schattke K., Paulin M., Jost N. Self-determination theory, social media and charitable causes: an in-depth analysis of autonomous motivation // European journal of social psychology. 2015. Vol. 45 (3). P. 298–307. DOI: 10.1002/ejsp.2038.
14. Hardy S.A., Dollahite D.C., Johnson N., Christensen J.B. Adolescent Motivations to Engage in Pro-Social Behaviors and Abstain From Health-Risk Behaviors: a Self-Determination Theory Approach // Journal of Personality. 2015. Vol. 83 (5). P. 479–490. DOI: 10.1111/jopy.12123.
15. Deci E.L., Ryan R.M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human need sand the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. Vol. 11. P. 227–268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01.
16. Deci E.L., Ryan R.M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality // Journal of Research in Personality. 1985. Vol. 19. P. 109–134. DOI: 10.1016/0092-6566(85)90023-6.

17. Osin E.N., Suchkov D.D., Gordeeva T.O., Ivanova T.Yu. Basic Psychological Need Satisfaction as a Source of Work Motivation and Subjective Well-being in Russian Employees. *Psychology // Journal of Higher school of Economics.* 2015. Vol. 12, № 4. P. 103–121.
18. Baard P.P., Deci E.L., Ryan R.M. Intrinsic need satisfaction: a motivational basis of performance and well-being in two work settings // *Journal of Applied Social Psychology.* 2004. Vol. 34. P. 2045–2068. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2004.tb02690.x.
19. Brown C.L., Gibbons L.E., Kennison R.F., Robitaille A., Lindwall M., Mitchell M.B., Shirk S.D., Atri A., Cimino C.R., Benitez A., MacDonald S.W.S., Zelinski E.M., Willis S.L., Schaie K.W., Johansson B., Dixon R.A., Mungas D.M., Hofer S.M., Piccinin A.M. Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: a Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies // *Journal of Aging Research.* 2012. Vol. 2012. Article ID 287438. 12 p. DOI: 10.1155/2012/287438.
20. Шамионов Р.М. Взаимосвязь стратегий поведения и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов // *Известия Саратовского университета. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2012. Т. 12, № 1. С. 79–83.
21. Shamionov R.M. Risk Society and Humanity // *Chaos, Complexity and Leadership 2014 (Springer Proceedings in Complexity) / von S.S. Erçetin (Hrb.). Springer ; Auflage, 2015.* P. 209–225.
22. Steptoe A., Fancourt D. Leading a meaningful life at older ages and its relationship with social engagement, prosperity, health, biology, and time use // *Proceedings of the national academy of sciences of the United States of America.* 2019. Vol. 116 (4). P. 1207–1212. DOI: 10.1073/pnas.1814723116.
23. Leversen I., Danielsen A.G., Birkeland M.S., Samdal O. Basic Psychological Need Satisfaction in Leisure Activities and Adolescents' Life Satisfaction // *Journal of Youth and Adolescence.* 2012. Vol. 41 (12). P. 1588–1599. DOI: 10.1007/s10964-012-9776-5.
24. Deci E.L., Ryan R.M. Facilitating optimal motivation and psychological well-being across life's domains // *Canadian Psychology-Psychologie Canadienne.* 2008. Vol. 49 (1). P. 14–23. DOI: 10.1037/0708-5591.49.1.14.
25. Tian L., Zhang X., Huebner S.E. The Effects of Satisfaction of Basic Psychological Needs at School on Children's Prosocial Behavior and Antisocial Behavior: The Mediating Role of School Satisfaction // *Front Psychol.* 2018. Vol. 9. P. 548. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00548.
26. Grigoryeva M.V. Characteristics of Young People's Social Activity in Adaptive Situations // *Helix.* 2019. Vol. 9 (3). P. 4890–4893. DOI: 10.29042/2019-4890-4893.
27. Балабанова Е.С. Социально-психологический подход к исследованию социальной активности молодежи // *Знание. Понимание. Умение.* 2018. № 3. С. 210–223.
28. Johnston M.M., Finney S.J. Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale // *Contemporary Educational Psychology.* 2010. Vol. 35. P. 280–290. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2010.04.003.
29. Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Апробация русскоязычных версий двух шкал экспресс-оценки субъективного благополучия // Материалы III Всероссийского социологического конгресса. М. : Ин-т социологии РАН, 2008. URL: http://www.isras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf
30. International differences in wellbeing / E. Diener, J.F. Helliwell, D. Kahneman (eds.). New York : Oxford University Press, 2010.
31. Вассерман Л.И., Иовлев Б.В., Беребин М.А. Методика для психологической диагностики уровня социальной фрустрированности и ее практическое применение : пособие для врачей и клинических психологов. СПб. : Ин-т им. В.М. Бехтерева, 2004. 28 с.
32. Еремина Л.И. Соотношение креативности и социальной активности студентов в социально-преобразующей деятельности // *Известия Саратовского университета. Сер. Акмеология образования. Психология развития.* 2015. Т. 4, № 2. С. 155–159.

33. Шарковская Н.И. Социокультурная активность – понятие современной социокультурной деятельности // Вестник Московского государственного университета культуры. 2016. № 3 (71). С. 116–121.
34. Гусейнов А.Ш. Психологические предпосылки зарождения и поддержания экстремистского мировоззрения молодежи // Казанский педагогический журнал. 2016. № 3 (116). С. 120–127.
35. Shamionov R.M. Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth // Helix. 2019. Vol. 9 (1). P. 4813–4817. DOI: 10.29042/2019-4813-4817.
36. Шамионов Р.М., Григорьева М.В., Григорьев А.В. Волевые качества как предикторы значимости социальной активности студентов // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 1. С. 18–34. DOI: 10.17759/sps.2019100102.
37. Shiratuddin N., Hassan S., Mohd Sani M.A., Ahmad M.K., Khalid K.A., Abdull Rahman N.L., Ahmad N.S.Y. Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings // Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities. 2017. Vol. 25. P. 1–19.
38. Смолева Е.О., Морев М.В. Удовлетворенность жизнью и уровень счастья: взгляд социолога. Вологда : ИСЭРТ РАН, 2016. 164 с.
39. Шамионов Р.М. Базовые убеждения и культурные установки как предикторы эмоционального и психологического благополучия горожан и сельчан // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 109–122.
40. Xing Z., Huang L. The Relationship Between Age and Subjective Well-Being: Evidence from Five Capital Cities in Mainland China // Social Indicators Research. 2014. Vol. 117 (3). P. 743–756. DOI: 10.1007/s11205-013-0396-6.

*Поступила в редакцию 10.02.2020 г.; повторно 26.02.2020 г.;
принята 02.09.2020 г.*

Шамионов Раиль Мунирович – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
E-mail: shamionov@mail.ru; shamionov@info.sgu.ru

For citation: Shamionov, R.M. The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-being and Social Frustration of Young People. *Sibirskiy Psichologicheskiy Zhurnal – Siberian journal of psychology*. 2020; 77: 176–195. doi: 10.17223/17267080/77/9. In Russian. English Summary

The Ratio of Social Activity and Satisfaction of Basic Psychological Needs, Subjective Well-being and Social Frustration of Young People

R.M. Shamionov^a

^a Saratov State University, 83, Astrakhanskaya St., Saratov, 410012, Russian Federation

Abstract

The study of the ratio of meeting the basic needs, subjective well-being, social frustration and commitment to various forms of activity will help to understand the internal regulation of young people's social behavior. Such scientific knowledge is necessary to expand the opportunities for social self-determination of young people and risk management of social activity. The purpose is to study the ratio of meeting the basic needs, characteristics of subjective well-

being (life satisfaction and happiness experience), social frustration and social activity of young people, to identify direct and indirect effects using structural equation modeling.

305 people took part in the study. We used the questionnaire aimed at evaluating the inclusion in various social activity types, and the Basic Needs Satisfaction in General Scale (Johnston, Finney, 2010), the Life Satisfaction Scale (Diener, Emmons, Larsen, Griffin, 1985), the Happiness Scale (Lyubomirsky, Lepper, 1999), and the Social Frustration Scale (Wasserman, 2004).

We have established that meeting the basic needs, life satisfaction, and happiness are associated with commitment to various forms of social activity. The highest level of determination (in terms of the number of correlations and the closeness of connections) was found in relation to leisure, educational and developmental, religious (positive) and radical protest (negative) activity. At the same time, satisfaction of the need for competence is the most important in motivating different forms of activity. Civil, socio-economic, and educational-developmental activities are associated with social satisfaction in various areas (the content of their work, life prospects, services and medical services, leisure activities, etc.), and social frustration is associated positively with protest, radical protest, and only in one case (dissatisfaction with security), with subcultural activity. Satisfaction of basic needs accounts for 2 to 15% of variations in commitment to various forms of social activity, and life satisfaction accounts for about 22% of variations in social activity.

Keywords: young people; social activity; meeting the basic needs; satisfaction with social life; social frustration.

References

1. Shamionov, R.M. (2018) Social activity of personality and groups: definition, structure and mechanisms. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. Psichologiya i pedagogika – RUDN Journal of Psychology and Pedagogics.* 15(4). pp. 379–394. (In Russian). DOI: 10.22363/2313-1683-2018-15-4-379-394.
2. Shamionov, R.M. & Grigoryev, A.V. (2019) The Image of Socially Active Individual in the Representations of Student Youth. *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education.* 7(1). pp. 15–20. DOI: 10.5937/ijcrsee1901015S
3. Savrasova-Viun, T. (2017) Social networks and their role in development of civic activity of the Ukrainian youth. *Communication Today.* 8(1). pp. 104–112.
4. Seigfried-Spellar, K.C. & Lankford, C.M. (2018) Personality and online environment factors differ for posters, trolls, lurkers, and confessors on Yik Yak. *Personality and Individual Differences.* 124. pp. 54–56. DOI: 10.1016/j.paid.2017.11.047
5. Sherman, L.E., Greenfield, P.M., Hernandez, L.M. & Dapretto, M. (2018) Influence Via Instagram: Effects on Brain and Behavior in Adolescence and Young Adulthood. *Child Development.* 89(1). pp. 37–47. DOI: 10.1111/cdev.12838
6. Svishcheva, E.E. (2017) Volonterskaya deyatelnost' v sotsial'noy rabote s pozhilymi lyud'mi kak odna iz form proyavleniya sotsial'noy aktivnosti molodezhi [Volunteer activity in social work with older people as a form of young people's social activity]. *Izvestiya Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – Journal of Shadrinsk State Pedagogical University.* 2(34). pp. 60–65.
7. Perminova, M.S. (2016) Specificity of formation of social activity of young people in volunteer activities. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Ser. So-tsiologiya. Politologiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Sociology. Politology.* 16(1). pp. 22–25. (In Russian). DOI: 10.18500/1818-9601-2016-16-1-22-25
8. Grant, P.R., Bennett, M. & Abrams, D. (2017) Using the SIRDE model of social change to examine the vote of Scottish teenagers in the 2014 independence referendum. *British Journal of Social Psychology.* 56(3). pp. 455–474. DOI: 10.1111/bjso.12186

9. Russo, S. & Amna, E. (2016) When political talk translates into political action: the role of personality traits. *Personality and Individual Differences*. 100. pp. 126–130. DOI: 10.1016/j.paid.2015.12.009
10. Grigoryeva, M.V. (2019) Students' readiness for changes as a predictor of social activity. *The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences*. LVI(6). pp. 43–48. [Online] Available from: https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/iccsbs_2018F06.pdf
11. Bocharova, E.E. (2018) Regulatory and Worldview Factors of Various Forms of Social Activity of Young People. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psichologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 7(4). pp. 333–345. (In Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-333-345
12. Arendachuk, I.V. (2018) Value-based Meaningful Factors of Social Activity of Youth under Different Conditions of Life Activities. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psichologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology*. 7(4). pp. 346–358. (In Russian). DOI: 10.18500/2304-9790-2018-7-4-346-358
13. Ferguson, R., Gutberg, J., Schattke, K., Paulin, M. & Jost, N. (2015) Self-determination theory, social media and charitable causes: an in-depth analysis of autonomous motivation. *European Journal of Social Psychology*. 45(3). pp. 298–307. DOI: 10.1002/ejsp.2038
14. Hardy, S.A., Dollahite, D.C., Johnson, N. & Christensen, J.B. (2015) Adolescent Motivations to Engage in Pro-Social Behaviors and Abstain From Health-Risk Behaviors: a Self-Determination Theory Approach. *Journal of Personality*. 83(5). pp. 479–490. DOI: 10.1111/jopy.12123
15. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2000) The “what” and “why” of goal pursuits: Human need sand the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*. 11. pp. 227–268. DOI: 10.1207/S15327965PLI1104_01
16. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (1985) The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*. 19. pp. 109–134. DOI: 10.1016/0092-6566(85)90023-6
17. Osin, E.N., Suchkov, D.D., Gordeeva, T.O. & Ivanova, T.Yu. (2015) Basic Psychological Need Satisfaction as a Source of Work Motivation and Subjective Well-being in Russian Employees. *Psychology. Journal of Higher School of Economics*. 12(4). pp. 103–121. (In Russian).
18. Baard, P.P., Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2004) Intrinsic need satisfaction: a motivational basis of performance and well-being in two work settings. *Journal of Applied Social Psychology*. 34. pp. 2045–2068. DOI: 10.1111/j.1559-1816.2004.tb02690.x
19. Brown, C.L., Gibbons, L.E., Kennison, R.F., Robitaille, A., Lindwall, M., Mitchell, M.B., Shirk, S.D., Atri, A., Cimino, C.R., Benitez, A., MacDonald, S.W.S., Zelinski, E.M., Willis, S.L., Schaie, K.W., Johansson, B., Dixon, R.A., Mungas, D.M., Hofer, S.M. & Piccinini, A.M. (2012) Social Activity and Cognitive Functioning Over Time: a Coordinated Analysis of Four Longitudinal Studies. *Journal of Aging Research*. 2012. Article ID 287438. DOI: 10.1155/2012/287438
20. Shamionov, R.M. (2012) Strategies of Behavior Interrelation Subjective Well-Being Representatives Contact Ethnic Groups. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Filosofiya. Psichologiya. Pedagogika – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy*. 12(1). pp. 79–83. (In Russian).
21. Shamionov, R.M. (2015) Risk Society and Humanity. In: Erçetin, S.S. von (ed.) *Chaos, Complexity and Leadership 2014*. Springer. pp. 209–225.
22. Steptoe, A. & Fancourt, D. (2019) Leading a meaningful life at older ages and its relationship with social engagement, prosperity, health, biology, and time use. *Proceedings of the*

- national academy of sciences of the United States of America.* 116(4). pp. 1207–1212. DOI: 10.1073/pnas.1814723116
23. Leversen, I., Danielsen, A.G., Birkeland, M.S. & Samdal, O. (2012) Basic Psychological Need Satisfaction in Leisure Activities and Adolescents' Life Satisfaction. *Journal of Youth and Adolescence.* 41(12). pp. 1588–1599. DOI: 10.1007/s10964-012-9776-5
24. Deci, E.L. & Ryan, R.M. (2008) Facilitating optimal motivation and psychological well-being across life's domains. *Canadian Psychology-Psychologie Canadienne.* 49(1). pp. 14–23. DOI: 10.1037/0708-5591.49.1.14
25. Tian, L., Zhang, X. & Huebner, S.E. (2018) The Effects of Satisfaction of Basic Psychological Needs at School on Children's Prosocial Behavior and Antisocial Behavior: The Mediating Role of School Satisfaction. *Front Psychol.* 9. pp. 548. DOI: 10.3389/fpsyg.2018.00548
26. Grigoryeva, M.V. (2019) Characteristics of Young People's Social Activity in Adaptive Situations. *Helix.* 9(3). pp. 4890–4893. DOI: 10.29042/2019-4890-4893
27. Balabanova, E.S. (2018) Sotsial'no-psikhologicheskiy podkhod k issledovaniyu sotsial'noy aktivnosti molodezhi [Socio-psychological approach to the study of social activity of youth]. *Znanie. Ponimanie. Umenie – Knowledge. Understanding. Skill.* 3. pp. 210–223.
28. Johnston, M.M. & Finney, S.J. (2010) Measuring basic needs satisfaction: Evaluating previous research and conducting new psychometric evaluations of the Basic Needs Satisfaction in General Scale. *Contemporary Educational Psychology.* 35. pp. 280–290. DOI: 10.1016/j.cedpsych.2010.04.003
29. Osin, E.N. & Leontiev, D.A. (2008) Aprobatsiya russkoyazychnykh versiy dvukh shkal ekspres-sotsenki sub"ektivnogo blagopoluchiya [Approval of Russian-language versions of two scales for express assessment of subjective well-being]. In: *Materialy III Vserossiyskogo sotsiologiche-skogo kongressa* [Proceedings of the Third All-Russian Sociological Congress]. Moscow: Institute of Sociology RAS. [Online] Available from: http://www.iras.ru/abstract_bank/1210190841.pdf
30. Diener, E., Helliwell, J.F. & Kahneman, D. (eds) *International differences in wellbeing.* New York: Oxford University Press.
31. Wasserman, L.I., Iovlev, B.V. & Berebin, M.A. (2004) *Metodika dlya psikhologicheskoy diagnostiki urovnya sotsial'noy frustrirovannosti i ee prakticheskoe primenenie: posobie dlya vrachey i klinicheskikh psihologov* [Methodology for psychological diagnostics of social frustration and its practical application: a guide for doctors and clinical psychologists]. St. Petersburg: V.M. Bekhterev Institute.
32. Eremina, L.I. (2015) Sootnoshenie kreativnosti i sotsial'noy aktivnosti studentov v sotsial'no-preobrazuyushchey deyatel'nosti [The ratio of creativity and social activity of students in socially transforming activities]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya ser. Ser. Akmeologiya obrazovaniya. Psichologiya razvitiya – Izvestiya of Saratov University. New Series. Series: Educational Acmeology. Developmental Psychology.* 4(2). pp. 155–159. DOI: 10.18500/2304-9790-2015-4-2-155-158
33. Sharkovskaya, N.I. (2016) Sotsiokul'turnaya aktivnost' – ponyatie sovremennoy sotsiokul'turnoy deyatel'nosti [Sociocultural activity – the concept of modern sociocultural activity]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'-tury.* 3(71). pp. 116–121.
34. Guseinov, A.Sh. (2016) Psychological background of genesis and maintenance of extremist worldview of youth. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal – Kazan Pedagogical Journal.* 3(116). pp. 120–127. (In Russian).
35. Shamionov, R.M. (2019) Socio-psychological factors of preferences regarding socio-economic and socio-political activity of the Russian provincial youth. *Helix.* 9 (1). pp. 4813–4817. DOI: 10.29042/2019-4813-4817

36. Shamionov, R.M., Grigoryeva, M.V. & Grigoryev, A.V. (2019) Volitional qualities as predictors of the importance of social activity of students. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 10(1). pp. 18–34. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2019100102
37. Shiratuddin, N., Hassan, S., Mohd Sani, M.A., Ahmad, M.K., Khalid, K.A., Abdull Rahman, N.L. & Ahmad, N.S.Y. (2017) Media and youth participation in social and political activities: Development of a survey instrument and its critical findings. *Pertanika Journal of Social Sciences and Humanities*. 25. pp. 1–19.
38. Smoleva, E.O. & Morev, M.V. (2016) *Udovletvorennost' zhizn'yu i uroven' schast'ya: vzglyad sotsiologa* [Life satisfaction and the level of happiness: a sociologist's perspective]. Vologda: RAS.
39. Shamionov, R.M. (2015) Basic Beliefs and Cultural Attitudes as Predictors of Emotional and Psychological Well-Being in Urban and Rural Populations. *Sotsial'naya psichologiya i obshchestvo – Social Psychology and Society*. 6(4). pp. 109–122. (In Russian). DOI: 10.17759/sps.2015060408
40. Xing, Z. & Huang, L. (2014) The Relationship Between Age and Subjective Well-Being: Evidence from Five Capital Cities in Mainland China. *Social Indicators Research*. 117(3). pp. 743–756. DOI: 10.1007/s11205-013-0396-6

Received 10.02.2020; Revised 26.02.2020;

Accepted 02.09.2020

Rail M. Shamionov – Head of the Department of Social Psychology of Education and Development, Saratov State University. Professor, D. Sc. (Psychol.).

E-mail: shamionov@mail.ru; shamionov@info.sgu.ru